

ПРОЛОГ

Крепость Ракатолл, двадцать третий день осады. За семь часов до того, как все полетело в тартарары.

Перед крепостными стенами, чуть дальше дистанции полета стрелы, в землю вбили пятьдесят один деревянный столб. Перед закатом у каждого установили полыхающую жаровню, чтобы предстоящее изуверство видели обе стороны.

Захваченную знать раздели догола и пинками и криками выгнали из загонов, а потом привязали к столбам, и за этим беспомощно наблюдали их подданные, трясаясь от страха за осыпающимися стенами крепости.

Через пять лет войны Черная Герран наконец-то загнала последние королевские семьи Эссорана и остатки их армий в Ракатолл и горела желанием продемонстрировать все ужасы, которые для них уготовила. Мятежники, изгои, бандиты, наемники и монстры, из которых состояла ее армия, в той же степени жаждали посмотреть на мучения своих угнетателей.

Черная Герран, повелительница демонов, генерал и верховный главнокомандующий, оглядела свою армию и улыбнулась, когда все, на кого упал ее взгляд, потупились. Какими бы они ни были устрашающими, всегда полезно напомнить, что она куда опаснее. Они толкались, распихивали друг друга и обзывали, но не

смели обнажить оружие. Лишь проникающий до мозга костей ужас перед ней спланивал ее воинство.

Она стояла рядом с двумя капитанами, а тридцать тысяч жаждущих крови людей и чудовищ внимательно наблюдали за пленниками, пытающимися разорвать путы. Из рук в руки переходили монеты — ставки на то, кто продержится дольше.

Черная Герран провела унизанными драгоценностями пальцами по коротким волосам с рыжими кончиками и посмотрела на своего белокурого любовника, который отказался делать ставки.

— Ну что же ты, Амадден, — сказала она. — Обычно ты не так щепетилен. Может, все-таки выберешь кого-нибудь из благородных господ и сделаешь ставку вместе со мной?

Воин нахмурился и смахнул грязное пятнышко со сверкающего нагрудного доспеха.

— Большинство из них порочны, но некоторые храбро сражались за то, во что верят.

— Какой же ты все-таки напыщенный, — сказала Мейвен, старшая сестра Амаддена.

Копну ее длинных темных волос трепал ветер. Она была сильным некромантом и правой рукой Черной Герран, то есть куда более важным человеком для генерала, чем ее брат, всего лишь согревающий постель. Уж конечно, она это знала. Она отодвинула брата и бросила золотую монету в открытую ладонь Черной Герран. А потом указала на тощего мужчину в центре шеренги:

— Выбираю вон того. Он бережет силы, вместо того чтобы выть и дергаться. Он умрет достойно.

— Тогда я поставлю на крайнего слева, — отозвалась Черная Герран, выбрав наугад.

И ночное празднество началось.

Как только солнце скрылось за горизонтом, демоницы-тени по призыву генерала выскользнули из трещин в земле и стеклись к ногам пленников. В мерцаю-

щем свете костров армия смотрела, как к деревянным шестам поднимается жидкая тьма, как у тьмы вырастают острые зубы и когти. И когда демоны начали пожирать жертв, солдаты радостно взревели, а их прежние хозяева заорали, надрывая глотки. Демоны начали с пальцев ног и медленно прогрызали путь наверх, сдирая кожу и жир, прежде чем впиться в мышцы и кости.

Грейс, младшая сестра двух ближайших помощников Черной Герран, протиснулась сквозь ликующую толпу к брату и сестре. В одной руке она несла тарелку с сыром и закусками, а другой прижимала к себе потрепанную тряпичную лошадку с одним глазом. У Грейс были золотистые волосы, и ее красота бросалась в глаза, несмотря на простое платье, заляпанное сажей. Ни один прожженный убийца из армии не осмелился даже взглянуть на нее, опасаясь, что черная магия Мейвен вырвет глаза обидчика из орбит.

— Вы забыли поесть, глупыши, — неодобрительно сказала Грейс. — Вам нужно поддерживать силы, чтобы сражаться с врагами.

Амадден засопел и подвинулся так, чтобы загордить ей вид на крепость и происходящие там зверства.

— Я же велел тебе оставаться внутри шатра.

Мейвен закатила глаза.

— Я попросила ее принести нам поесть. Хватит над ней трястись, Грейс живет в этом мире и способна перенести вид крови.

Лицо ее брата вспыхнуло от злости, и он потянулся к горлу старшей сестры. Но тут Грейс сунула в протянутую руку тарелку.

Мейвен ухмыльнулась, зная, что Амадден никогда и пальцем ее не тронул бы на глазах у младшей сестры. Он не пережил бы, если бы Грейс перестала его обожать. Хотя они постоянно спорили о том, что лучше для Грейс, оба готовы были скорее отдать жизнь,

чем позволить кому-то ее обидеть, и отнять жизнь у всякого, кто попытается.

Некромантка подбодрила криком стонущих пленных и улыбнулась, немигающим взглядом наблюдая за казнью.

Амадден посмотрел на сестру, и его лицо скривилось от отвращения. Его рука на рукояти меча, висящего в ножнах на поясе, дернулась.

— Если бы не любовь к тебе Грейс... — пробормотал он сквозь стиснутые зубы.

Грейс равнодушно окинула взглядом жуткую сцену — пожираемых заживо людей, а потом снова ожилилась, посмотрев на Черную Герран.

— И ты тоже поешь. Держать такую армию в узде наверняка утомительно.

Черная Герран вздохнула. Грейс всегда удавалось видеть самую суть. Черная Герран так устала от постоянных склок, требующих ее вмешательства, чтобы солдаты не поубивали друг друга. Если бандиты или мятежники не дрались из-за идейных разногласий или золота, то великаны пытались сожрать орков, а эгоистичные капитаны еще хуже — каждый лелеял собственные планы. Черная Герран знала, что если сейчас уйдет и бросит их на произвол судьбы, то не пройдет и часа, как они перережут друг другу глотки, Амадден и Мейвен в том числе.

Аналогичным образом Грейс сплачивала свою семью — она присматривала за братом и сестрой, чтобы они не убили друг друга. Амадден и Мейвен уживались вместе только ради сестры и под командованием Черной Герран. На глазах у всех троих убили родителей и деда, и с тех пор брат и сестры уже не были прежними. Мейвен с маниакальной жаждой изучала все, относящееся к смерти и некромантии, ее брат с головой окунулся в войну и поиски универсальной истины, чтобы избавиться от боли и найти цель в жизни, а их очаровательная и невинная младшая сестра вернулась

в детство и жила только счастливыми воспоминаниями. Из-за уязвимости Грейс было легко нанять ее брата и сестру на службу, а из их яростного стремления защитить Грейс Черная Герран выковала смертоносное оружие.

Вельможа, на которого сделала ставку Черная Герран, обмочился, тем самым разъярив глодавшего его демона. Тот вскочил, проник прямо в рот и заглушил крики, разорвав гортань.

— Увы, я поставила не на того, — сказала Черная Герран. — Мейвен, передаю тебе командование. Побойся о том, чтобы наступление возобновилось, как только войска закончат с развлечениями. При первом луче зари я возглавлю последнюю атаку.

Черная Герран направилась к генеральскому шатру, Амадден последовал за ней. В его глазах стояла смесь обожания и страха. Ей всегда нравилось в мужчинах именно это, но только не сейчас.

Она хлопнула его рукой по нагруднику.

— Нет. Ступай, присмотри за армией и сестрами.

Вернувшись в свой шатер, Черная Герран плюхнулась в кресло, наслаждаясь относительным миром и спокойствием. Но долго это не продлилось. Лежащее на столе слева от нее серебряное зеркальце, которое она забрала в качестве трофея из королевской опочивальни, а потом заколдовала кровью и страданиями короля, задрожало и заискрило — владелец ее души требовал внимания, а он не прощал задержек.

Она глубоко вдохнула, чтобы успокоиться, и взяла зеркальце, держа его на вытянутой руке. Отражение пошло рябью и потускнело, и вместо него появилось другое, совсем не похожее на человека.

Сквозь зеркало дунул раскаленный ветер, принося с собой серную вонь Хеллрата и крики измученных душ. На троне из блестящих костей и натянутой, еще живой человеческой кожи возлежала раздутая жаба

размером с боевого коня, с пылающими глазами и языком: князь Шемхарай Хеллратский, могущественный повелитель демонов, даровавший Черной Герран огромную силу в обмен на душу. От одного его присутствия она словно ощутила удар молотом по голове, но собралась с силами и сделала суровое лицо — никогда не стоит показывать слабость демону. За троном возвышался грозный генерал Малифер, огромное и вечно голодное чудовище, покрытое красной чешуей-доспехами, нечто среднее между человеком и крокодилом.

— Моя драгоценная смертная кукла, — сказал Шемхарай, причмокивая синеватыми губами и брызжа слюной. — Очень скоро ты получишь все, чего желаешь. Ты наконец-то выполнила свою часть сделки и открыла путь к Хеллрату и для моего завоевания вашего мира. Ты можешь оставить себе континент Эссоран, но все остальные земли и моря будут моими, и не вздумай меня разочаровать, мерзавка. — Его горящий взгляд нырнул к ее животу, и Шемхарай сморщил бесформенный нос. — Чую, ты носишь потомство. — Он облизал губы. — Восхитительное лакомство. Если захочешь продать...

— Ты получишь все, что тебе причитается, всемогущий князь, — отозвалась она, потупившись. — Обещаю.

Князь хрипло рассмеялся и взмахнул перепончатой рукой. Изображение в зеркале подернулось рябью и сменилось на кислую мину Черной Герран. Она опустилась на стул, чувствуя облегчение от того, что Шемхарай оставил ее в покое.

Князь Шемхарай жаждал крови и душ, питающих его нескончаемую войну с другими влиятельными силами Хеллрата, и благодаря этому им было легко манипулировать. Однако теперь, когда пришло время отдать ему обещанное, у Черной Герран на уме было совсем другое.

Беременность многое усложняла. Об этом не знал никто, кроме нее, и хотя пока она не ощущала и намека на материнский инстинкт, все равно приходилось думать о будущем без жестоких войн. Она была слепа, так долго поглощена мстью и завоеванием и не размышляла о том, что будет после победы. Чем она займется, став императрицей Эссорана? Смертной правительницей мира, который станет подножным кормом для демонов Хеллрата...

Она сидела во тьме в шатре главнокомандующего, держала кубок с остывающей кровью и вслушивалась в зловещую музыку последних часов осады. Далекие выкрики умирающих уже лишились прежнего величия, ожидание грядущей победы почти не радовало сердце Герран. Весь Эссоран сверкающим бриллиантом лежал на ее ладони... а она ничего не испытывала. Она просто делала что должна. Жестокий мир Крусибла никогда не знал силы, подобной ей, но все это теперь выглядело таким мелким.

А за тонкими красными стенами шатра ее армия всю ночь продолжала вести огонь, раздавался тяжелый стук катапульта, свист горящих ядер, летящих сквозь тьму. Треск и грохот магии и победные вопли обезумевших от крови бойцов. Они не могли дождаться рассвета, ведь он нес смерть, славу и золото.

Черная Герран скривилась и опрокинула кубок. Кровь на землю не пролилась — ее подхватила темнейшая тень, выскользнувшая из-под кресла. Невидимые языки вылакали кровь, темнота содрогалась от наслаждения.

Черная Герран опустила взгляд на живую тьму, сгустившуюся у ее ног, — любимых демониц-теней, вызванных ее магией, порождением преисподней. Они были ее доверенными служанками, взращены ее кровью и силой, хотя прочие обитатели Хеллрата считали их слабыми. Но в отличие от смертных сил, они никогда не обратятся против нее. Только им одним она до-

веряла — в этом мире или в ином. Демоницы поглаживали и успокаивали ее, радуясь, что могущественный князь отвел свой горящий взгляд от этого места.

— Что за высокомерный болван! — проворчала Черная Герран.

Миг спустя она хлопнула зеркалом по столу, и оно разлетелось осколками.

— Я заслуживаю большего, — сказала она, поднимаясь на ноги. — Проклинаю Шемхарая и сделку с ним. Я заслуживаю большего, чем вечное служение его целям. Как и вы, мои темные сестры. Не тревожьтесь, я сумею сделать так, что он никогда не отыщет нас.

Демоницы-тени притихли, потрясенные тем, что их кровавая сестра смогла отринуть соглашение и предать столь великую и страшную силу.

Она зашептала о том, что ждет впереди, и о планах на лучшую жизнь, которые уже начали осуществляться.

Они понимали. Они боялись. Но все же доверяли ей.

На мгновение Черная Герран вспомнила обо всех своих военачальниках, о любовнике Амадене и его сестре Мейвен.

— Да пошли они все, — сказала она.

Демоницы-тени обступили ее. Когда тени растаяли, просочились в щели в земле, от их грозной повелительницы и следа не осталось.

А ее боевые военачальники, закаленные пятью годами сражений, собирали силы раздираемой склоками армии, продолжали осаду, не зная, что покинуты командующим на пороге великой победы.

Часть первая
ГРОЗА НАДВИГАЕТСЯ

Сорок лет спустя